

О.Ю. Стародубова

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС КАК ВТОРИЧНАЯ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И СПОСОБ МОДЕЛИРОВАНИЯ
КОНЦЕПТОСФЕРЫ (ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ
И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)**

Аннотация. Представлена методика декодирования художественного дискурса как вторичной (интерпретативной) действительности в иностранной аудитории в аспекте способов моделирования концептосферы определенной эпохи творческим субъектом, а также с позиции механизмов реконструкции реципиентом авторского замысла. Конструируя вторичную модель действительности, автор концептуализирует мир в виде одушевленных носителей, каждый из которых содержит фрагмент архитектуры смысла, а также используя гетеротопию. Текст как лингвокогнитивная модель становится источником познания мира. Результатом практического применения методики, реализация которой проиллюстрирована в рамках настоящего исследования, становится постепенное формирование у обучающихся устойчивой интерпретативной модели анализа художественного дискурса.

Ключевые слова: художественный дискурс, гетеротопия, вертикальная и горизонтальная проекции, лингвокогнитивное моделирование, субъект, языковые средства репрезентации этнокультурных концептов.

O.Yu. Starodubova

**ARTISTIC DISCOURSE AS A SECONDARY REALITY
AND A METHOD FOR MODELING THE CONCEPTOSPHERE
(LINGUO-COGNITIVE AND LINGUO-DIDACTIC ASPECTS)**

Abstract. a technique for decoding artistic discourse as a secondary (interpretative) reality in a foreign audience is presented in the aspect of ways of modeling the concept sphere of a certain era by a creative subject, as well as from the standpoint of the mechanisms of reconstruction of the author's intention by the recipient. Constructing a secondary model of reality, the author conceptualizes the world in the form of animate carriers, each of which contains a fragment of the architecture of meaning, as well as using heterotopia. The text as a linguo-cognitive model becomes a source of knowledge of the world. The result of the practical application of the methodology, the implementation of which is illustrated in the framework of this study, is the gradual formation of a stable interpretative model for the analysis of artistic discourse among students.

Keywords: literary discourse, heterotopia, vertical and horizontal projections, linguo-cognitive modeling, subject, linguistic means of representing ethno-cultural concepts.

В ходе постижения языка и культуры необходимо знакомство с художественным текстом, который является средством хранения этнокультурной информации в динамике, иллюстрирует картину мира определенной эпохи, систему ценностей,

концептосферу. В этом плане текст становится продуктом эпохи. В то же время он транслирует авторскую модель действительности интерпретативного характера, являясь продуктом селективной деятельности творческого субъекта, который в свою

Стародубова Ольга Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Институт международных образовательных программ, Московский государственный лингвистический университет, Москва. Сфера научных интересов: герменевтика текста, художественный текст и дискурс в аспекте лингвокогнитивного моделирования; интерпретация медийного дискурса; интертекстуальность, прецедентность в практике преподавания русского языка как иностранного. Автор более 65 опубликованных научных работ.

Электронный адрес: oystarodubova@mail.ru

очередь становится порождением своего времени, носителем коллективной картины мира, системы ценностей и набора идентичностей (национальных, социальных, гендерных и так далее).

Понимание такого сложного конструкта неизменно сопряжено с рядом трудностей, связанных с тем, что самостоятельная интерпретация текста происходит в изолированной позиции (имманентно), то есть без учета пресуппозиции, на основе национальных и других идентичностей реципиента (в нашем случае обучающегося), что может привести к искажению авторского замысла. В таком случае получаем не объективную реконструкцию национальной картины мира определенной эпохи, а своеобразное сотворчество, порождающее множественность субъективных смыслов в зависимости от картины мира реципиента, поликультурную, универсальную вторичную модель действительности.

Задача современной педагогики с учетом ключевого принципа – *антропоцентризма* – дать ориентиры, заложить правильную модель восприятия и текста, и процесса обучения в целом, в основе которого должно быть *понимание*. В связи с этим необходимо упомянуть еще один принцип, составляющий базовую часть обучения, – *коммуникативный*, реализация которого возможна на фоне (особен-

но в случае изучения языка иностранными учащимися) поликультурного диалога, включенности личности обучающегося субъекта, участника учебной коммуникации, в процесс совместного выяснения истины. В связи с этим при изучении языка и культуры через пространство художественного дискурса следует, опираясь на ключевые принципы дидактики, учитывать специфику национальной культуры всех субъектов – участников полилога: создателя текста, его героев, реципиента (обучающихся). В основе практики понимания текста – личность, субъект [2; 3; 8].

Таким образом, не только предмет исследования, но и сам процесс и механизм анализа текста/дискурса как способ познания мира имеет наибольшую значимость для формирования профессиональной личности учащихся.

Изучая язык и культуру, текст следует воспринимать не только как этнокультурный феномен, хранящий ментальную информацию, но и одновременно как катализатор мыслительных процессов, отражающий определенный этап картины мира или динамику концептосферы, тенденции времени, транслирующий систему национальных и универсальных ценностей [2; 5; 7; 9].

В связи с этим текст, в особенности художественный, становится объектом междисциплинарных исследований, по-

Художественный дискурс как вторичная действительность и способ моделирования концептосферы (лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты)

скольку содержит ценную информацию о субъекте (языковой личности, авторе или скрипторе) как представителе своего времени, а также активно участвует в формировании или, напротив, нейтрализации конфликтных ситуаций, возникающих на уровне как внутри-, так и межкультурной коммуникации [7; 8].

«Вне текста нет ничего» – трудно не согласиться с утверждением Жака Дерриды, французского философа и теоретика литературы эпохи деструктивизма, постмодерна, по утверждению которого мир следует воспринимать как текст (гипертекст), который в свою очередь становится моделью реальности, а язык вне зависимости от сферы применения функционирует по своим законам, и мир постигается человеком лишь в виде «литературного» дискурса [5; 10].

Интерпретация (герменевтика) текста предполагает знакомство с безэквивалентной лексикой, формирующей концепт национального менталитета, а также погружение в контекст фоновых знаний (историко-культурную пресуппозицию), формирующих устойчивую связь уровней языка.

Текст становится полифункциональным инструментом формирования культурной, социальной и лингвистической компетенций, смыкающим компонентом акта коммуникации, соединяя автора одного ментального пространства с читателем другого. Ведь подлинную историю культуры пишет не историк, а художник. Текст как архиватор историко-культурного кода становится дискурсом и содержит разные типы информативности – от фактической, лингвистической до концептуальной.

Процесс обучения декодированию художественного дискурса должен быть ориентирован на постижение ментальности представителей другой культуры.

Интерпретируя русский национальный художественный текст, инофон становится участником «полилога культур и эпох, их взаимопроникновения, взаимопонимания» [12, р. 507], при этом постепенно формируется устойчивая межкультурная компетенция, в связи с чем лингводидактический потенциал художественного текста не вызывает сомнений.

При исследовании картины мира на примере художественного дискурса XX века в иноязычной аудитории интегрируем *традиционную методiku в аналитическое чтение в сочетании с вертикальной и горизонтальной проекциями* – чтение текста с выходом в дискурс по сильным позициям: от времени создания, которое определяет *пресуппозицию* – ключ к интерпретации текста и дискурса (историко-культурный контекст, спровоцировавший конструирование определенной структуры модели вторичной действительности), заголовка, до особенностей *субъектной* организации текста и так далее. Вертикальный пласт (проекция) предполагает сквозное чтение, то есть вычленение наиболее информативно нагруженных фрагментов текста, содержащих закодированную информацию, например, это всегда заголовок, прецедентность, концептуальные метафоры, номинации субъекта, особенности категорий времени и пространства (гетеротопия), концовка и др. Сильные позиции текста исследуются в синтагматике – горизонтальной проекции смысла, которая включает грамматический уровень интерпретации и стилистический аспект. Все это поможет не только объективно интерпретировать аутентичный авторский текст как продукт определенной эпохи, понять картину мира, но и сформировать модель интерпретации аналогичных текстов [8].

Опишем результаты применения представленной методики в иностранной ауди-

тории на примере анализа рассказа XX века, иллюстрирующего *динамику национальной картины мира*, сущность которой сводится к движению от доминанты универсального сегмента (общечеловеческих ценностей) к преобладанию социокультурного компонента (тенденция локализации).

Материал эксперимента позволяет сосредоточиться на субъектной организации текста и гетеротопии. Категория субъекта, представленная разными типами номинаций – от внутритекстовых и затекстовых до атрибутивных, является носителем концептуальной информации. Каждый из героев произведения иллюстрирует индивидуальную картину мира как фрагмент, который встраивается конфликтно или гармонично в коллективную концептосферу, представленную иерархией стереотипов и ценностей. Категорию гетеротопии как пространства, обладающего концептуальным смыслом, внутри другого пространства, ввел М. Фуко в произведениях «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук», «Другие пространства» и др. [11]. Например, это могут быть не только реальные пространства (корабль, кладбище, библиотека, психиатрическая клиника и так далее), но и фантастические, абстрактные, социальные, политические, идеологические. Гетеротопия может выполнять кумулятивную функцию – накапливать время (гетерохрония), именно поэтому указанная категория становится механизмом экспликации концептуально значимой информации в динамике.

В качестве материала для исследования (с целью выяснения особенностей эволюции национальной картины мира) обратимся к рассказу М. Зощенко «История болезни» (1936) [4].

На первом этапе работы с текстом выясним особенности пресуппозиции – исто-

рико-культурных фоновых обстоятельств, которые задают формат, вектор восприятия текста. Пресуппозиция встраивается в авторский текст как событийно, фактуально, так и концептуально, ее понимание позволит до знакомства с текстом предположить его содержание.

Рассказ «История болезни» был написан М. Зощенко в 1936 году и опубликован в сборнике «Рассказы 1937–1938», а также в юмористическом журнале «Крокодил». Создавалось произведение в эпоху тоталитарного режима и практически совпадало с пиком репрессий. Сам факт публикации рассказа, да еще и в юмористическом журнале свидетельствует о том, что его критический пафос не был воспринят цензурой. Между тем не стоит забывать о том, что текст не продуцируется в изолированном формате, а становится продуктом эпохи и селективной творческой деятельности автора как носителя одновременно индивидуальной и коллективной картин мира.

Обратимся к заголовку как сильной позиции текста (фрагмент вертикальной проекции). *История болезни* – действие рассказа происходит в *больнице* – категория гетеротопии в связи с этим становится сюжетообразующей, а также концептуально значимой: пространство советского общества 1930-х годов помещается в пространство лечебного заведения. Это *особенная больница*, где не лечат больных, а производится *выдача трупов от трех до четырех* [4]. Указанное *реальное* пространство становится моделью идеологии тоталитарного дискурса, *социального пространства*, интерпретация которого носит ярко выраженный критический характер. Ключевым механизмом конструирования социальной гетеротопии становится *морбиальная метафора* как средство моделирования критической интенции. *Болезнь* и ее *история* представляют интерпре-

Художественный дискурс как вторичная действительность и способ моделирования концептосферы (лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты)

тацию идеологии властного дискурса, процесс болезненного становления советской власти, в формате которой постепенно вытесняется *субъект* как личность, на этом фоне он становится *объектом*, продуктом тоталитарного дискурса, *побочным эффектом* системы – так автор оценивает происходящее в реальной действительности.

Превращение человека в *винтик* государственной машины (*техническая концептуальная метафора*) иллюстрируется при помощи *субъектных номинаций*. Они представлены в концептуальной оппозиции «свое–чужое». В тексте нет имен собственных – только социальные статусы, которые подчеркивают деформацию концепта «человек» – обезличенность, сужение его статуса до *пациента, тела, объекта, больного* – и равнодушие представителей власти. Все происходящее мы видим глазами пациента, который именует персонал больницы: примечательно, что первым именованием *генерализованного субъекта власти* становится личное местоимение третьего лица – *у них там*, что сразу подчеркивает дистанцированность власти и народа. Первоначально герой-рассказчик называет работников больницы *традиционно* (*мужчина, сестричка, фельдшер*), а затем *по-советски* (*товарищ фельдшер, лекпом*), добавляя при этом: если *фельдшера* переименовать в *леккома*, станет ли он лечить по-другому. Следующим этапом эволюции номинаций становится именование представителей самой гуманной профессии при помощи *концептуальных технических и зооморфных метафор* – *медицинская трубка, собаки*. Частотны именованья представителей властного дискурса местоимениями третьего лица.

Таким образом, в тексте прослеживается *динамика субъектных номинаций и своего, и чужого* – так, например, *больной тифом* становится *тяжелобольным, творящим сознание*, теоретически больные

(судя по объявлению) могут становиться *телами и трупами*. Все эти метаморфозы происходят в пространстве больницы как *модели социального пространства* – таков результат ее влияния на картину мира, систему ценностей.

Сама категория гетеротопии в тексте претерпевает некоторые изменения: *обычная больница*, где лечат физические болезни, в том числе брюшной тиф, становится *особенной*, а затем превращается в *больницу для душевнобольных, базар*; где основой взаимодействия *верхов и низов* становится логика абсурда. Например, *нормальным явлением* становится выдача пациентам белья не по росту: *я думал, что они нарочно от злости подбросили мне такой комплект не по мерке, но потом я увидел, что у них это – нормальное явление. У них маленькие больные, как правило, были в больших рубашках, а большие – в маленьких*. Еще одним материализованным последствием влияния *больницы* как модели тоталитарного дискурса является *клеймо* на одежде больных – так больница становится прообразом реальных лагерей.

Категория гетеротопии также получает внутреннюю дифференциацию – фрагментами ее становятся *обмывочный пункт* (бывшая ванна) и то место, где происходит *выдача трупов, палата* (элемент *интертекстуальности* – аллюзия на «Палату № 6» А.П. Чехова – в этом случае целесообразно провести параллель и уточнить объекты критики в авторских произведениях).

Личное имя главного героя *Петя*, а также семейный статус *муж* появляются в самом конце рассказа, когда он переходит из социального (абсурдного) пространства в личное – *дом*. Это еще одна экспликация категории гетеротопии – *дом* – концептуально контрастное пространство: *свое* – носитель универ-

сальных, вечных семейных ценностей, что поддерживается и субъектными номинациями – *домашние, супруга*, которые волнуются за жизнь и здоровье близкого человека. Примечательно, что в тексте дается только упоминание *дома* в рамочной композиции – в самом начале и в конце: *откровенно говоря, я предпочитаю хворать дома ... и теперь хвораю дома*. Важным становится, во-первых, сам факт упоминания традиционных вечных ценностей через гетеротопию (знаково то, откуда приходит герой и куда возвращается), а также то, что больной выздоравливает – *организм взял свое*, несмотря ни на что, логика здравого смысла восторжествовала, и человек возвращается к жизни в традиционное пространство вечных, а не временных ценностей. Примечательно также, что в завершении рассказа пространство больницы, имитирующее политико-идеологическую ситуацию 30-х годов в СССР, покидает герой-носитель концепта *человек*, причем он выздоравливает от этой болезни, обретает здоровье и здравый смысл, семейные ценности, счастье, гармонию. Носители концепта «*власть*» остаются в пространстве *больницы*.

Таким образом, на примере анализа отдельного фрагмента художественного дискурса при восприятии текста в аспекте лингвокогнитивного моделирования можно проследить динамику концептосферы, локальные и глобальные изменения системы этнокультурных и универсальных ценностей. Важно в процессе исследования учитывать все процедуры когнитивно-дискурсивного метода (затекстовую действительность, внутритекстовых носителей концептуальной информации, гетеротопию, интертекстуальность, концептуальные метафоры, синтагматику сильных

позиций и так далее), позволяющего воспринимать произведение не изолированно, а контекстуально и гипертекстуально: при этом пресуппозиция встраивается в авторский текст как событийно, фактуально, так и концептуально, ее понимание позволит до знакомства с текстом предположить его содержание.

Внимание к сильным позициям текста дает возможность реципиенту не только реконструировать видимые события определенной эпохи, но и составить целостную картину мира, восстановить социальную и ценностную иерархию общества. Все это в аудитории инофонов способствует погружению в русскую культуру, ментальность, обогащает читательский опыт, способствует постепенному формированию межкультурной компетенции, закладывает основы модели интерпретации не только художественного дискурса.

Таким образом, текст как вторичная модель реальности, продукт эпохи и селективной деятельности творческого субъекта становится многогранным объектом исследования, позволяющим реконструировать первичную действительность, динамическую картину мира, эксплицированную при помощи различных ресурсов, среди которых одними из ведущих являются гетеротопия и субъектная организация: «Художественная литература – едва ли не важнейший предмет понимания, способный серьезно повлиять на внутренний мир человека» [1, с. 103]. В ходе интерпретации происходит интерференция лингвокогнитивных моделей автора и читателя, которое сопровождается взаимным обогащением, при этом перлокутивное воздействие художественного дискурса на сознание читателя становится одной из ведущих функций [5; 6; 8].

Художественный дискурс как вторичная действительность и способ моделирования концептосферы (лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты)

Литература

1. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 1998. 336 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва: URSS, 2020. 144 с.
3. Золотова Г.А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 107–113.
4. Зоценко М. История болезни. URL: <https://nukadeti.ru/skazki/zoshhenko-istoriya-bolezni>
5. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 11–24.
6. Стародубова О.Ю. Языковые механизмы моделирования субъекта как способ интерпретации действительности и конструирования картины мира в художественном тексте // Вестник Российского нового университета. Сер.: Человек в современном мире. 2020. Вып. 2. С. 114–122.
7. Стародубова О.Ю. Художественный текст в аспекте лингвокогнитивного моделирования // Наука без границ: синергия теорий, методов и практик: мат-лы Междунар. науч. конф. 28–30 октября 2020 г. / отв. ред. О.К. Ирисханова. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020. С. 175–179.
8. Стародубова О.Ю. Аспекты интерпретации текста: учеб. пособие. М.: Проспект, 2021. 48 с.
9. Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика. Москва: Либроком, 2018. 144 с.
10. Философия и литература: Беседа с Жаком Деррида // Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. М.: Ad Marginem, 1993. С. 151.
11. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. 704 с.
12. Chubarova O.E., Stoletova E.K., Starodubova O.Yu., Muhammad L.P. Polylogue of Cultures and Epochs in The Course of Reading a Literary Text in a Foreign Audience // Revista Gênero & Direito. 2020. Vol. 9. No. 5. Special Edition. Pp. 505–520.

References

1. Brudnyy A.A. (1998) *Psikhologicheskaya germeneytika* [Psychological hermeneutics]. Moscow: Labyrinth. 336 p. (In Russian).
2. Gal'perin I.R. (2020) *Tekst kak ob'yekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow: URSS. 144 p. (In Russian).
3. Zolotova G.A. (2001) *Grammatika kak nauka o cheloveke* [Grammar as a science about a person]. *Russian language in scientific coverage*. No. 1. Pp. 107–113. (In Russian).
4. Zoshchenko M. *Istoriya bolezni* [Medical history]. URL: <https://nukadeti.ru/skazki/zoshhenko-istoriya-bolezni> (In Russian).
5. Kubryakova Ye.S. (2009) *V poiskakh sushchnosti yazyka: vmesto vvedeniya* [In search of the essence of language: instead of an introduction]. *Cognitive studies of language. Iss. IV. Conceptualization of the World in Language*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tambov: Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin. Pp. 11–24. (In Russian).

6. Starodubova O.Yu. (2020) *Yazykovyye mekhanizmy modelirovaniya sub'yekta kak sposob interpretatsii deystvitel'nosti i konstruirovaniya kartiny mira v khudozhestvennom tekste* [Linguistic mechanisms of modeling the subject as a way of interpreting reality and constructing a picture of the world in a literary text]. *Bulletin of the Russian New University. Ser.: Man in the modern world*. Iss. 2. Pp. 114–122. (In Russian).
7. Starodubova O.Yu. (2020) *Khudozhestvennyy tekst v aspekte lingvokognitivnogo modelirovaniya*» [Literary text in the aspect of linguocognitive modeling]. *Science without borders: synergy of theories, methods and practices*. Moscow: MGLU. Pp. 175–179. (In Russian).
8. Starodubova O.Yu. (2021) *Aspekty interpretatsii teksta* [Aspects of text interpretation]. Moscow: Prospect. 48 p. (In Russian).
9. Turayeva Z.Ya. (2018) *Lingvistika teksta. Tekst: struktura i semantika* [Linguistics texts. Text: structure and semantics]. Moscow: Librocom. 144 p. (In Russian).
10. *Filosofiya i literatura: Beseda s Zhakom Derrida // Zhak Derrida v Moskve: dekonstrukciya puteshestviya*. M.: Ad Marginem, 1993. S. 151.
11. Fuko M. (1997) *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [The History of madness in the classical era]. St. Petersburg: University Book. 704 p. (In Russian).
12. Chubarova O.E., Stoletova E.K., Starodubova O.Yu., Muhammad L.P. (2020) Polylogue of Cultures and Epochs in The Course of Reading a Literary Text in a Foreign Audience. *Revista Gênero & Direito*. Vol. 9. No. 5. Special Edition. Pp. 505–520.